*С.В.Минеева*

# ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПОХВАЛЬНЫХ СЛОВ НА ПАМЯТЬ ЗОСИМЫ И САВВАТИЯ СОЛОВЕЦКИХ, ПРИПИСЫВАЕМЫХ ЛЬВУ ФИЛОЛОГУ

Ранее, говоря об источниках, использованных автором Похвальных Слов на память Соловецких святых, традиционно приписываемых сербскому книжнику Анките Льву Филологу, мы ограничились только сопоставлением текста Слов с различными выявленными нами редакциями Жития Зосимы и Савватия[1]. В результате за рамками исследования осталась большая часть Слов, важная с точки зрения их композиционной структуры, интересная в стилистическом отношении, но каноническая по содержанию и совершенно не связанная с житийным повествованием, не зависящая от него. Таковы обширные вступления и заключения к Словам, различные пространные авторские отступления в тексте, представляющие собой в основном рассуждения, поучения, а иногда и обличения нравственно-моралистического характера, а также изложение требований монастырского устава и устройства. Наличие этих пространных эпизодов обусловило необычное для произведений агиографического и панегирического жанров соотношение с точки зрения их объема: Похвальные Слова по объему в несколько раз превосходят самую полную редакцию Жития. Сочетание разнородных элементов в тексте Слов — подробный пересказ Жития (элемент жития-биос), похвала на память святого и торжественная проповедь по случаю праздника (Слово на Святую Пасху и одновременно на память преп. Зосимы), использование элементов поучения и обличения нравственно-моралистического характера, а также введение различных богословских и церковно-канонических рассуждений, вплоть до изложения дисциплинарной части монастырских уставов,— составляет специфику стиля этих необычных с точки зрения соблюдения строгих жанровых канонов произведений.

В связи с этим вполне понятно, что автор Слов должен был отличаться особой эрудицией и начитанностью, использовать, пусть иногда совершенно компилятивно, большое количество разнородных источников, не ограничивая себя текстом Жития. Попытаться выявить эти источники — задача весьма увлекательная, тем более, что почти при полном отсутствии достоверных биографических сведений

об авторе только таким путем, по-видимому, можно сделать эту загадочную личность «более уловимой», проникнуть в круг его интересов, авторитетов, идейных, литературных и личных пристрастий.

Первое, что обращает на себя внимание, это особый интерес автора Слов к византийской святоотческой литературе, прежде всего к творениям Григория Богослова и в меньшей степени — Иоанна Златоуста. На зависимость композиции и в целом вступления и заключения Слова на память преп. Зосимы от 44-го Слова Григория Богослова «На неделю новую, на весну, на память мученика Маманта» указывалось неоднократно[2]. Оставив вопрос о византийских переводных источниках, использованных автором, составляющий предмет особого разговора и нуждающийся в специальном рассмотрении и исследовании, мы ограничимся здесь поиском параллельных чтений в русских произведениях начала XVI века, т.е. поставим вопрос о том, какие современные ему русские тексты мог использовать автор Слов с учетом времени их создания (1533—38 годы[3]), и попытаемся объяснить, почему именно эти источники могли заинтересовать и привлечь автора.

Одним из таких произведений вполне могло быть *Житие Кирилла Белозерского*, в частности, его *Пахомиевская редакция*, в наибольшей степени отвечающая принятым в то время в русской агиографии требованиям жанра и стиля. Созданное Пахомием Логофетом в марте-мае 1462 года (древнейший из известных списков — РГБ, ф. 304, собр. Троице-Серг. Лавры, № 764, датировка — не позднее 1474 года), это Житие являлось самым большим произведением знаменитого агиографа и, несмотря на неизбежную стилизацию и типизацию, обусловленную требованиями жанрового канона, самым насыщенным конкретными историческими сведениями, поскольку Пахомий в данном случае писал сам, по словам «самовидцев», а не редактировал чужие, созданные до него сочинения[4]. Интерес автора Похвальных Слов на память Соловецких святых к Пахомиевской редакции Жития Кирилла мог быть обусловлен не только авторитетом Пахомия Серба и его произведений и их широкой известностью, но и другими, более конкретными причинами. Во-первых, вполне закономерно, что, поставив перед собой цель дополнить начальную часть Жития Савватия, отличающуюся во всех редакциях краткостью и отсутствием даже минимальных необходимых с точки зрения житийного канона сведений о жизни святого подвижника до его прихода на Соловки, автор Похвальных Слов обратился в процессе поиска этих сведений к Житию основателя Кирилло-Белозерского монастыря, обители, в которой начинал свои иноческие подвиги преп. Савватий. Могла быть и другая причина. Говоря выше о вновь выделенной редакции Жития Зосимы и Савватия, мы пришли к заключению, что именно эта редакция, названная нами I Дополненной, могла быть основным источником

для автора Похвальных Слов[5]. В текст этой редакции по сравнению с другими как раз было введено Предисловие, которое дословно совпадает с Предисловием, содержащимся в Пахомиевской редакции Жития Кирилла. Возможно, отталкиваясь от текста этого Предисловия, автор Слов и обратился к Житию Кирилла, использовав его в своей работе значительно в бо́льшей степени, нежели это сделал составитель I Дополненной редакции Жития Соловецких святых. На это указывает сопоставительный анализ текста Похвальных Слов и Пахомиевской редакции Жития Кирилла, в процессе которого можно выделить ряд близких чтений, далеко не ограничивающийся только Предисловием, отразившемся в I Дополненной редакции.

К анализу конкретных примеров параллельных чтений и текстуальных совпадений в текстах Похвальных Слов на память Зосимы и Савватия и Пахомиевской редакции Жития Кирилла Белозерского мы сейчас обратимся.

Первые примеры подобного рода находим уже при сопоставлении Предисловия к Житию Кирилла и вступительной части Слова на память преп. Савватия:

| | |
|---|---|
| Слово Савватию: «Память бо их (святых) в роды родов, ибо имена их *пишема в небесных книгах*, и яко не потрена прочее пребывают, и самому к ним взяту бывшу, иде же и памяти тем бывают посещением света лица славы божественныя...» (Ч. 3. С. 104); «*и триестнаго врага до конца являетси поправ* (преп. Савватий)...» (Ч. 3. С. 101)[6]. | Ср. в Житии Кирилла: «Их же житию и сами аггели удивишася и похвалиша, их же имена *написаны быша на небесех*, иже Пресвятаго Духа силою крест на раме вземше и многокозненнаго *прегордаго змия своими ногами, посрамивше, низложиша и конечному безвестию предаша*. И сего ради Царствия небеснаго сподобишася, и тем райския двери отверзени быша, и внидоша, радующеся, в радость Господа своего» (Л. 2 об)[7]. |
| Слово Савватию: «И в сих любомудруя, мнит ми ся добре Савватие, разумевает бо *несостоятельно суще*, ни же пребывательно, *но подобно цвету травы — утро процветая, вечер засыша*» (Ч. 3. С. 106–107). | Ср. в Житии Кирилла: «И мира сего вся *красная и суетная*, иже вмале слажаемая, преобидевше, поразумевше, яко вся суть *временная*, потом безвести бываемая, аще велика, аще мала, *подобно сени и сну преходящу, или цвету утренему, иже при вечери усыхающу и отпадающу*» (Л. 2). |

Приведенные примеры, однако, в основе своей каноничны и традиционны для произведений христианской письменности.

Наибольший интерес представляют текстуальные соответствия другого рода. Так, дополняя краткий текст Жития, автор ввел в

Похвальное Слово на память преп. Савватия описание трудов святого в Кирилло-Белозерской обители. Почти так же говорит он и о последующих трудах Савватия в монастыре на Валааме. Близкое соответствие этим двум рассказам найдем опять же в Житии Кирилла, в повествовании Пахомия о его подвигах в Симонове монастыре.

Слово о пребывании Савватия в Кирилло-Белозерском монастыре: «Припрязает же к тому нерассудное послушание к настоятелю же и к братии, и во всем покоряяся, добре ходя, ведыи, како ступати, яко Божию рабу подобает, и никако же когда о чесом явися пороптав, но с верою вся приемляше бываемая в киновии, от отца учиняемая, от Бога быти хотению тако внимаше, посту, елико мощно, прилежа, собрании же некако отлучаяся... И егда довольно время некое сотворив будет в поварницы, в хлебопекалницу оттуду изводим бывает — и тамо труд не мнее ему, и ту блаженный чисте работу устрояет и терпеливе, тесто меся и пещь разжигая, и воду хлеботворению на раму приношает. Иногда же нищих питати повелевается, иногда больным служити приставляется, иногда же трапезе служити братстеи уставляется. И вся сия Савватие с теплою верою ко игумену и горящею любовию к братии работает без роптания» (Ч. 8. С. 111).

Слово о трудах Савватия в Валаамском монастыре: «Посылает же ся и ту в тяжкия работы киновия, в поварню же и в пекалницу, и рыбныя ловления, и прочая, яже киновия она имат работы, но и дрова секии, и ралом бразды прочертая, вся же повелеваемая ему творяше без лености с молчанием. И никто же от него слыша о чесом когда глаголюща, яко: "Что ради сия?" или "Почто оно бысть?" — вся бо тому угодна бываемая является, иде же душа не повреждается. Гнев же тому николи же приближися, ярость же отнюд не являшеся, ово от послушания, ово же от кротости умерщвляема, многословия же и праздных бесед, яко от смертных ран отбегаше, непреподобных же содружествии, яко тля, гнушашеся, оклеветания же, яко от смерти, отскакаше, осуждение же ему смирением отгнане, сребролюбия же ни следу в нем обрестися или многостяжания...» (Ч. 3. С. 114).

Ср. в Житии Кирилла о трудах в Симонове монастыре: «Бысть же у великаго того подвижника времяни мало, никоея же своея воля имыи, токмо неразсуднаго послушания. Посем же повелением архимандрита Феодора отходити в хлебню и тамо больми начат воздержатися, воду нося, и древа секы, и хлебы теплыя братиям принося, тем же и теплыя молитвы от них примаше. И понеже и много поспешение еже в службе показаше, толико бо стояше на молитве, яко иногда и всю нощь без сна пребывати» (Л. 9об.).

Говоря о трудах и подвигах преп. Кирилла в Симонове, Пахомий подчеркивает, что особое умиление и удовлетворение от труда и молитв получал святой в «поварнице», занимаясь приготовлением пищи для братской трапезы и наблюдая за пламенем в печи, напоминающем ему о Страшном Суде и «огне геенскаго пламени»: «Сотвори же у хлебне время немало, та же посылаем бывает от настоятеля в магерницу, си речь в поварню, и тамо больми воздержашеся, в памяти всегда имея огнь неугасимаго и вечнаго мучения и ядовитаго чрьвия, и на огнь часто взирая, глаголяше к себе: "Тръпи, Кириле, огнь сьи, да сим огнем тамошняго возможеши избежати!" И от того толико умиление дарова ему Бог, яко ни самого того хлеба могущу ему без слез вкусити или слово проглаголати» (Л. 10об.).

Труды в поварнице привлекали Кирилла и позднее. С радостью он возвратился к ним по настоянию игумена после уединенных подвигов и молитв в келье: «И тамо (в келье) тако же подвизашеся в писаниих же и молитвах и нощных коленопреклониих, но не толико ему бяше умиление, елико егда в поварне бяше. Тем же пакы пречистую Богородицу моляше даровати ему умиление, еже и преже имяше. По мале же настоятель пакы в поварню посылает его братиям службу совершати. Кирилл же рад бысть, яко сие услыша, и иде прочее в поварню, и пакы множаиших подвиг касашеся и множае оттуду умиление стяжа. Пребысть же святыи в тои службе 9 лет во всяком воздержании и злостраданиих» (Л. 11об.–12). Не оставляет этих трудов преп. Кирилл и в Белозерском монастыре, уже будучи игуменом: «Бяше же и сеи обычаи блаженнаго Кирилла, по отпетию утреняго славословия и по своем обычном правиле приходити в поварню, видети, кое братиям будет утешение ... Иногда же и сам способствоваше им своима рукама к тех учрежению» (Л. 23об.).

Реализацию того же самого мотива находим мы и в Похвальном Слове на память преп. Савватия: «Овогда в поварни работати ему повелевашеся, тои же с радостию в поварницу отхожаше в тихости и тамо сущую работу во смирении и молчании сотворяя, огнь же память геенскаго пламене тому, возгнещая, бывает, и всегдашнее умиление отсюду притяжает. И молитва тому непрестанна на работе, еже Геенны избыти милостивому Господу Богу вопияше, устрашаше бо того присно огненное зрение» (Ч. 3. С. 111).

В Житии Кирилла Белозерского находим мы соответствие и введенному в текст Похвального Слова на память Савватия рассказу о поведении святого в храме во время службы.

Слово Савватию: «Стояще же на пениих, ни на стену, яко немощен, восклоняяся, ни же на товзе, яко ослаблен, когда лежа, но сице просто, яко столпие, тому нозе утвержени, стояше, никако же митушая ногами, яко же кто на поворищи, весь опрятан, прост, горе простерт, яко самому Господу Богу предстоящу, неослабно и непреступно стояше в страсе божественнем и в умилении, мнозе и в молчании велии, умом точию моляся, никому же когда о земных проглагола на пениих» (Ч. 3. С.111).

Ср. в Житии Кирилла (об одном из братьев, Игнатии): «Глаголют же о нем таково, яко во многом своем воздержании и коленопреклонениих во всех тридесятех летех пребысть, не лежа на ребрех, но тако стоя просто, мало сна вкушаше» (Л. 20об.); (о самом Кирилле): «Сам же блаженный николи же, в церкви стоя, к стене приклонися или без времени поседе, но нозе его, яко столпие, бяху» (Л. 21).

Усиленное звучание по сравнению с Житием получает в Слове на память преп. Савватия мотив бегства святого от земной славы. В Житии Кирилла вновь находим соответствие этому тексту.

Слово Савватию о пребывании в Кирилло-Белозерском монастыре: «И сих ради любим (Савватий) бывает от игумена и от всех, иже во обители, почитается многаго ради своего послушания, кротости же и смирения и иных сущих в нем добродетелей, хвалим бывает от них и славим всеми. Той же слыша хвалу и славу многу, приимая тщету трудом, яже трудися, помышляет быти, и сих ради отити умышляет и приити, иде же не будет кто знаяй его» (Ч. 3. С. 111–112).

Слово Савватию о пребывании на Валааме: «...Настояи же и черноризцы тщету того отшествия не пщуют, образ бо и прописание того жития черноризческа имеяху и яко отца отщетитися вменяют. Молят убо абие его вси никако же отходити от них, ни же лишати их любве его и отщетити их благообразнаго и благоговейнаго своего сопребывания, его же яко прописание устава мнишескаго взирают» (Ч. 3. С. 198).

Ср. в Житии Кирилла: «Тем же и вси, видяще его толикы труды и смирение, не яко человека, но яко аггела Божия посреди себе имеяху, он же утаити хотя зрящим добродетель, юже имяше...» (Л. 10об.).

Наконец, можно говорить о близком соответствии двух рассказов о монастырском устройстве — рассказа об уставе Кирилло-Бе-

лозерского монастыря, включенного Пахомием в текст Жития, и вошедшего в состав Похвального Слова на память преп. Зосимы рассказа об уставе Соловецкой обители.

В предсмертном завещании преп. Зосимы братии (в Слове) среди прочих наставлений есть мотив воздержания от пьянства, соответствие которому также находим в Житии Кирилла.

Приведенные текстуальные соответствия позволяют, таким образом, высказать предположение, что Пахомиевская редакция Жития Кирилла Белозерского вполне могла быть одним из тех источников, которые использовал автор Похвальных Слов в процессе своей работы над дополнением текста Жития Зосимы и Савватия.

Особый интерес проявил автор Слов к вопросам монастырского устройства и устава. Отрывок из Жития Кирилла Белозерского об уставе, очевидно, являлся в данном случае для него не единственным и не главным источником. Анализ текста Слов показывает, что вопросы дисциплинарной части монастырского устава, внешней регламентации жизни иноков в обители постоянно волновали автора, приковывая к себе его внимание. К четырем основным вопросам устава он обращался на протяжении текста неоднократно, говоря о правилах поведения братии во время службы в храме, а также во время трапезы, о запрете пьянства в монастыре и о запрете на пребывание женщин на территории обители. Если подойти к рассмотрению этих вопросов в свете общественно-религиозной борьбы первой трети XVI века, противостояния группировок иосифлян и нестяжателей, то следует отметить, что эти проблемы, отражающие внешние стороны организации монастырского общежития, требования соблюдения «внешнего благочестия», волновали прежде всего представителей иосифлянского направления, тогда как их оппоненты-нестяжатели в бóльшей степени были озабочены вопросами внутреннего самоусовершенствования иноков. Это различие отразилось и в монастырских уставах, созданных идейными руководителями двух направлений — Иосифом Волоцким и Нилом Сорским[8], а также в других богословских, публицистических, литературных произведениях представителей этих течений.

*Исходя из этих соображений, можно предположить*, что источник, содержащий подробные правила внешней регламентации монастырской жизни и поведения братии в обители, следует искать именно среди произведений, создававшихся в рамках иосифлянской литературной школы. И действительно, анализируя «Духовную грамоту о монастырском устроении» Иосифа Волоцкого, помещенную митрополитом Макарием в сентябрьском томе Успенского списка ВМЧ, мы нашли много общего с приведенными выше рассуждениями автора Похвальных Слов на память Зосимы и Савватия, посвященными вопросам монастырского устройства (см. гл. I «О

церковной службе» — стлб. 503—506; 509—512, 513; гл. II «О трапезе» — стлб. 513; гл. VIII «Яко не подобает в монастыри женскому входу быти» — стлб. 543)[9].

Обсуждение этих проблем в иосифлянских кругах не ограничивалось только рамками устава, закономерно оно переходило в проповеди, на страницы литературных, богословских, полемических сочинений. Примеры подобных рассуждений, часто очень близких к Похвальным Словам на память Соловецких святых в стилистическом отношении, найдем, например, в сочинениях митрополита Даниила. Вопросам монастырского устава посвящено Послание Даниила во Владимирский Волосов Николаевский монастырь, где также большое внимание уделяется все тем же правилам поведения в храме и во время трапезы[10]. Обличение неприлично ведущих себя в храме есть и в Слове 3-го Даниловского Соборника[11].

Похожие рассуждения находим и в других иосифлянских сочинениях. Таково, например, Поучение митрополита Макария против разговаривающих в церкви[12].

В произведениях иосифлян, самого Иосифа и еще в бо́льшей степени митрополита Даниила, можно отметить много других примеров параллельных чтений, использования образов, сравнений, стилистических средств, сближающих их с Похвальными Словами на память Зосимы и Савватия Соловецких. Таковы рассуждения об обязанностях и взаимных обязательствах настоятеля и монастырской братии, шире — пастыря и пасомых, которым много внимания уделяет автор Слов (см., например, Заключение к Слову Зосимы — 4.2, с. 507—510). Аналогичные идеи занимают важное место в 11—12 главах Духовной грамоты Иосифа (см. стлб. 565, 566, 573, 577), в Послании во Владимирский Волосов монастырь митрополита Даниила[13], во 2-м Слове[14] и в 5-м Слове[15] Даниловского Соборника.

В качестве параллели приведем также пример из сочинения Зиновия Отенского: «Пастыря же не сие ли свойство есть, еже снабдети овца, и немощное исцелевати, и храмое исправляти, волки же отгоняти, и камением и оружием метати, и стрелы и псы на них пущати. Понеже пастырие суть святаго стада епископи и митрополиты, православныя снабдят, согрешающая же на покаяние обращают, и кающаяся очищают, плоды истязающе достойны покаяния..., и приходящая к правоверию приемлют, о сем единомыслие управляют и мир соблюдают, и кротость в дусе хранят, волки же отступники от стада овец Христовых отгоняют»[16].

В произведениях митрополита Даниила можно подобрать много других примеров стилистических и текстуальных соответствий с Похвальными Словами на память Зосимы и Савватия. Таковы, в частности, традиционные для христианской письменности размышления о бренности земной жизни, восходящие в своей основе, по-видимому, к сочинениям Иоанна Златоуста.

Слово Савватию: «Елико бо человек будет зде, смерть приемлет — и аще и домы стяжит велики и светлы, аще двокровны и трикровны будут, аще и столпи мраморни, и главы тем позлощени будут, аще коня и мскы, волы и овца и иная многа приплодит, аще и раб множество тому будут, аще и светлы трапезы, и толстота пищи, и множество брашенное, и сосуди многоценни злати, и винная изливания велия на вечерях слугуют тому, аще порфирою и виссом оденется, аще и свилянных одежд и брачинных паволок, и безценных камнеи безчислие, аще и весьми совладеет, аще и град содержит, аще и страны премучит, аще и венец на главу возложит,— по всех сих и посреди сих смерть приемлет, исчезают вся, яко не быша. Отвлачится убо тело во гроб, сокрывается под землею, смешается с перстию. Аще и здрав быв погребаемыи, аще и велик возрастом, аще и сединою почтен, аще и мужеския версты быв и добропочтенное чадородие сотворив будет и славе сынми своими, аще и юношества время имея, и храбростию словыи и силою хвалим сыи и крепостию доблествен, аще и отрок будет и благообразен зело и леп очима и власми добрыми, и все тело ему красотою утворено будет, и сладко зрение очес рожьдшим и всем видящим любезен будет,— нечювствен прочее и смердящь предлежа... Ни едино от притяжанных им тому прочее последуя, ни же тои от них притяжа, нося с собою, но яко же прииде, тако и отиде, яко из чрева наг изыде, суще наг и во гроб входит. Что от сих, яже посреди прибыток? Ничто же. Аще бо яко же приходит в мир человек из чрева матере своея, тако же отходит из мира во гроб, не имыи в руку ничто же...

Ср. Слово 12-е Данииловского Соборника: «Где убо есть доброта телесная? Где есть юность? Где суть очи? Где языки многоглаливыи и ухищренныя речи? Где лепота плоти и где красота юности? Где баня и прочее угодие плоти? Где одры слоновыя и златопрядныя постеля? Где кони среброуздыя? Где оружия златобещанныя? Где высокия престолы? Где царие и князи и иже возвышенныя слава? Где боярство и честь? Где красота и слава суетнаго сего жития? Вся исхоша, яко трава, вся разсыпашася, вся погибоша. Где убо тогда мирское пристрастие? Где маловременных мечтании? Где злато и серебро? Где раб множество и отроки предтекущие? Где многоразличныя трапезы, и сладкия снеди, и хитрость поваров? Где красота ризная? Где златыя и сребреныя сосуди? Где сладкия вина нерастворенныя и прочее питие благовонное? Где ристание конское и утешение суетное? Где радость прелестная сего века? Где веселие маловременное суетнаго жития? Вся пепел, вся персть, вся прах, и плоть, и кровь, трава и цвет травныи, сень и дым... Вся убо видимая мира сего красна суть и славна, но вскоре минует и исчезают, яко дым, яко сон или яко цвет увядает»[17].

Ср. также Слово 16-е Данииловского Соборника: «Что есть течение мира сего или есть сладость его? Что есть величество и слава его мимотекущая? Вся басни, вся паутина, вся дым, и трава, и цвет травныи, и сень, и сон... Приидем, о любимиче, и видим во гробех ясно: где оного и оного многое имение? Где бесчисленное богатство? Где храбрость мужества их?... Что есть житие наше, о любезне, не яко же ли сонное видение? Не яко же ли цвет травныи и пара, вмале восходящи и исчезающи, или речная быстрина мимотекущая, или яко роса утренняя»[18].

Всуе посредних мятеж воистинну ничто же мнящися прибыток, не пребывая же..., но подобно цвету травы — утро процветая, вечер засыша» (Ч. 3. С. 105–107).

Особый интерес, пожалуй, представляет использование в тексте Похвальных Слов на память Зосимы и Савватия и Слов митрополита Даниила одних и тех же характерных образов и сравнений, прежде всего в обличениях нравственно-моралистического характера. Смелость образов и сравнений, к которым обращается в подобных случаях Даниил, общеизвестна. Похожие примеры найдем мы и в Похвальных Словах на память Соловецких святых.

Слово Савватию: «... вся мирская она льсти отверже (Савватий), яко нестоятельна и непребывающа, яко мнящаяся дивна и сладка любящим я безумным, иже ни едино слово любомудрия когда лобызают, всяческих же пременены наказания любомудрьствия, яко скот, обносящеся, ничто же велие и высоко могуще помыслити, неже ли и разумети — како же иже ум долу погорбивше, яко же *свиния* главу долу поникшу имущи, когда на небо возарит? Но и в тину влавит, и ту *смраду* радуется, даже и *измывется в кале*,— сия свиниям любомудруемая и онем подобным, *свинск ум имущим, тинное и кальное жительство*, долу влекущееся, сладко и любезно. Стыжуся глаголати, яко человецы тая же, *яко же и свиния*, любомудрьствуют и смышляют и поучаются, тое прописание делом своим имуще и притчю, их же не веде, аще и человеки лепо нарицати, иже ничто же достоино человеческу любомудрию показавше или помысливше» (Ч. 3. С. 108–109).

Ср. у Даниила — из Слова 3-го: «валяешися *в нечистоте, яко свиния в тимении*, и блаженную советницу твою, глаголю же совесть, совещавшую и глаголющую ти благая, попрал еси и отринул и испепелил: объядаешися и пианствуеши, *яко скот*, и злопамятствуеши, на братию, яко Сатана»[19].

Из Слова 12-го: «яко *свиния, в кале уваляся*, жируеши»[20].

Из Слова 13-го: «иде же есть многоядение и пиянство, тамо есть *свинское житие*... Ты же не точию не ищеши небесных, но и на небо не взираеши, ни во что же не пщуя красоту небесную, сущая на небесех любомудрствовати повелен сый, *яко свиния* пребывал, долу ничиши»[21].

Отметим также, что подобные образы и сравнения можно встретить и в сочинениях Зиновия Отенского. См., например, его характеристику, данную еретикам, в частности, Феодосию Косому: «Посему Косой не смыслит толико, *елико и скот*. Скот убо разлучает траву, вредящую его, от пользующеи, и пользующую яст, не пользующую же отревает. Косой хужши *скота*, не весть бо чистаго

разлучити от нечистаго. Или сего ради не хощет разлучити чистаго от нечистаго, *еда аки свиния в кале тимения, в нечистотах* любит пребывати. Како же не студ такому учителю быти? Каковы же тому и ученицы учителю, *мнее скота* разум имущу»[22].

Впрочем, приведенный пример, сближающий в стилистическом отношении Похвальные Слова на память Соловецких святых с самым известным произведением Зиновия Отенского («Истины показание к вопросившим о ложном учении»), не составляет исключения. Можно привести и другие примеры использования в этих произведениях близких образов и сравнений.

Слово Савватию: «умилен позор зрящим является: кости сухи, наги, очерневше, валяются, с калом смешаеми» (Ч. 3. С. 106).

Ср. у Зиновия: «чюдо бо преславно воистинну: *кости голы*, сухи, на всякыя недуги и болезни исцеления точат и бесов прогоняют»[23].

Слово Савватию: «Что бо ти христоподражательное послушание? Яко на кресте уже пригвожден, *своя воля отступи*, недеиственны всячески руце к исполнению хотения своего имея, како же в повелеваемая, яко же *железо в руку ковача* разжено огнем Господним, любве Господни повинуяся» (Ч. 3. С. 213).

Ср. у Зиновия: «*И кузнец бо приемлет железо* разжигати преже убо весть, что хощет из него сковати: или ролии потребу, или секиру, или орудие каково, или ино что. Богу ли, зижущу человека, *не хощеши дати ему ведати о человеце*, что будет в человеце? Аще бо *кузнец, приемля в руку железо*, весть, что из него сотворит, Бог ли не увесть, зижа человека, яже в человеке?»[24].

Таким образом, рассмотренные здесь примеры позволяют поставить вопрос о том, что автор Похвальных Слов на память Зосимы и Савватия мог использовать в процессе своей работы над их Житием в качестве источников ряд современных ему русских сочинений различных жанров и содержательной направленности. Пожалуй, наиболее интересными в данном случае представляются параллели между Похвальными Словами и Пахомиевской редакцией Жития Кирилла Белозерского, указывающие, очевидно, на непосредственную связь этих текстов, на зависимость Слов от Жития. Примеры близких чтений и текстуальных совпадений между Похвальными Словами, приписываемыми Льву Филологу, и произведениями Иосифа Волоцкого и митрополита Даниила, может быть, в меньшей степени показательны, поскольку все они в своей основе представляют собой традиционные христианские рассуждения, отражают традиционные образы, восходящие к византийской патристике и учительной литературе позднейшего времени. Однако в процессе анализа этих примеров необходимо учитывать особенности эпохи первой трети XVI века, когда в условиях общественно-рели-

гиозной борьбы представители разных идейных течений, используя одни и те же источники из христианского наследия, акцентировали свое внимание на различных обсуждавшихся в них проблемах и вопросах. Так, именно представители иосифлянского направления, придававшие особое значение вопросам внешней организации монастырской жизни и соблюдению «внешнего благочестия», постоянно обсуждали в своих произведениях проблемы устава и правила поведения иноков в обители. Как уже говорилось, в этом заключалось основное отличие Устава Иосифа Волоцкого от идейной направленности Предания и Устава Нила Сорского, которого волновали прежде всего проблемы внутреннего самоусовершенствования монахов. Именно поэтому, очевидно, Нила не устроил в свое время образ жизни в Кирилло-Белозерском монастыре и он покинул эту обитель в поисках не «внешнего», а «внутреннего» благочестия, что подтверждается дополнительно еще и тем, что приведенные нами выше эпизоды из Жития преп. Кирилла, касающиеся изложения требований монастырского устава, принятого в основанной им обители, совершенно не противоречат Уставу Иосифа, а часто дословно совпадают с ним. Это позволило нам высказать предположение, что склонный к компиляции разных источников автор Похвальных Слов мог использовать в своей работе наряду с Житием Кирилла и Устав Иосифа Волоцкого и рассуждения о благочестии митрополита Даниила, опиравшегося на идеи своего учителя и предшественника на настоятельском поприще и во всем следовавшего его требованиям, касавшимся «монастырского устроения». Особый интерес автора Слов к вопросам «внешнего благочестия», стремление к строгой регламентации быта монастырской братии, отразившееся в тексте, настойчиво указывает на его идейные связи с иосифлянами. На то же указывают и иные примеры, сближающие Похвальные Слова с сочинениями митрополита Даниила. Традиционные с точки зрения содержания, все приведенные выше примеры из Слов и Посланий Даниила представляются весьма характерными для него в стилистическом отношении. Именно стиль, наряду со всем сказанным, а также жанровая специфика Слов на память Зосимы и Савватия, использование характерных сравнений и образов позволяет сблизить эти произведения с традициями иосифлянской литературной школы, в частности с произведениями того же митрополита Даниила как наиболее характерного ее представителя. С другой стороны, можно также говорить и о стилистической близости между Похвальными Словами на память Зосимы и Савватия и сочинениями Зиновия Отенского, что еще раз указывает на то, что появление имени Зиновия в русских рукописях, приписывающих ему авторство Слов Льва Филолога, могло иметь под собой серьезные основания. Скорее всего, вряд ли следует рассматривать это в качестве противоречия высказанным ранее предположениям об

идейной и стилистической близости Слов с произведениями иосифлянского течения. Как показал Ф.Калугин, Зиновия Отенского вряд ли следует рассматривать в качестве убежденного сторонника и последовательного ученика Максима Грека, разделявшего нестяжательские взгляды и установки, и, что наиболее важно для нас, в его произведениях совершенно не отразилось влияние литературного творчества Максима[25]. Более того, как было показано выше, в стилистическом отношении главное сочинение Зиновия «Истины показание к вопросившим о новом учении», направленное против ереси Феодосия Косого, во многом использует традиции обличительной литературы, получившие особое развитие как раз в сочинениях все той же иосифлянской школы.

В любом случае, изучение возможных связей Похвальных Слов на память Зосимы и Савватия, приписываемых Анките Льву Филологу, с произведениями современной ему русской литературы в контексте общественно-религиозной борьбы эпохи, их источников, литературных пристрастий автора является, очевидно, наиболее продуктивным направлением поисков достоверных сведений об этой загадочной в нашей литературе личности.

## ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Минеева С.В. Похвальные Слова на память Зосимы и Савватия Соловецких, приписываемые Льву Филологу (к проблеме атрибуции и источников) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 7. М., 1994. С. 276–312.

[2] Иванов С. Кто был автором анонимного Жития преп. Иосифа Волоцкого? // Богословский вестник. Сергиев Посад, МДА, 1915. Т. 3, сентябрь. С. 173–190; Бегунов Ю.К. Три описания весны (Григорий Назианзин, Кирилл Туровский и Лев Анкита Филолог) // Сборник историје књижевности. Отделение језика и књижевности. Београд, 1976. Кн. 10. С. 269–276.

[3] Субботин Н.И. Сведения о Филологе Черноризце, проповеднике XVI века. // Прибавления к Творениям святых отцев. 1859. Ч. 18. С. 537; Дмитриева Р.П. К вопросу о литературной деятельности Льва Филолога. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 65.

[4] Прохоров Г.М. Пахомий Серб // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1989. Т. 2. Ч. 2. С. 173.

[5] Минеева С.В. Новая редакция Жития Зосимы и Савватия Соловецких (в печати).

[6] Далее сноски на источники в тексте с указанием листа рукописи, столбца или страницы печатного издания. Похвальные Слова цит. по изд.: Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 229–240; 347–368; 471–511; Ч. 3. С. 96–118; 197–216.

[7] Цит. по ркп. РГБ, ф. 304, собр. Троице-Серг. Лавры, № 764, не позднее 1474 года.

[8] Лурье Я.С. Краткая редакция Устава Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства // ТОДРЛ. Т. 12. С. 123–126. 1956; Боровкова-Майкова М.С. Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912; Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960. С. 18–22.

[9] Цит. по изд.: Духовная грамота преп. игумена Иосифа о монастырском устроении. ВМЧ за 9 сентября. СПб., 1868. Стлб. 499–587.

[10] Цит. по изд.: Жмакин В.Г. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Приложения. С. 39–44 (по ркп. Софийской биб-ки, № 1281).

[11] Там же. С. 638 (по ркп. МДА, № 197. Л.437).

[12] Там же. Приложения. С. 84–85 (по ркп. Кирилло-Белозерского собр. ГПБ, № 103/1180, Л. 80–83; № 122/1199, Л. 41–42).

[13] Там же. Приложения. С. 39–44 (по ркп. Софийской биб-ки, № 128).

[14] Там же. Приложения. С. 3–7.

[15] Там же. С. 11.

[16] Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о ложном учении. Казань, 1863. С. 879–880.

[17] См. Жмакин В.Г. Митрополит Даниил и его сочинения... Приложения. С. 20–23.

[18] Там же. Приложения. С. 37–38 (по ркп. Софийской биб-ки, № 128, Л. 233–234).

[19] Там же. Приложения. С. 9–10.

[20] Там же. Приложения. С. 20.

[21] Там же. Приложения. С. 29.

[22] Зиновий Отенский. Истины показание... С. 358–359.

[23] Там же. С. 426.

[24] Там же. С. 259.

[25] Калугин Ф. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894.